

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ ФОЛЬКЛОРА

Т. А. Н О В И Ч К О В А

«ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ П. Н. РЫБНИКОВЫМ»

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
(ПО ПИСЬМАМ И НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Трудно переоценить вклад П. Н. Рыбникова в развитие отечественного эпосоведения. Уже к концу издания его всемирно известных «Песен»,¹ в заметке к последнему тому сборника, О. Ф. Миллер отметил качественно новый подход Рыбникова не только к собиранию, но и к изданию памятников народной поэзии, новый не только в русской, но и в зарубежной фольклористике. Впервые по достоинству была оценена роль сказителя в сохранении и передаче эпических традиций. Подобного внимания к сказителю мы не найдем ни в сборниках эпоса Вука Караджича, ни в фольклорных собраниях Я. Гримма.²

Долгое время точкой отсчета подлинно научных принципов публикации эпических текстов считался 1873 год — год выхода в свет «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга, расположившего материал по крупным регионам, а внутри регионов — по сказителям, с подробными биографиями певцов и этнографической характеристикой региона. П. Д. Уховым было доказано, что такой замысел организации фольклорных текстов существовал и у Рыбникова, но он отказался от него в пользу структуры томов, предложенной собирателю П. А. Бессоновым.³ Структура томов «Памятников народной поэзии» (таково было название, данное своему сборнику самим Рыбниковым) вполне проясняется из оглавлений, приложенных собирателем к присланным редактору текстам былин: 1-й том — былины Заонежские, с более дробным региональным делением на Сенногубские, Кижские и Великогубские; 2-й том — былины Пудожские и Каргопольские, с подразделением на песни Купецкой, Шальской волости, былины Сумозерские, Кенозерские, Колодозерские и Бережнодубровские.⁴ Такое разветвленное региональное деление материала было связано с желанием Рыбникова с наибольшей наглядностью выделить сказительский репертуар, причем прежде всего в первом и втором томах предполагалось поместить былины от лучших, по мнению собирателя,

сказителей (в 1-м томе это тексты, записанные от К. Романова и Т. Г. Рябикина, во 2-м — от Н. Прохорова). Согласно дате на одном из «оглавлений», таков был план издания у Рыбникова в 1860 году.

Но вышедший в 1861 году первый том «Песен» был построен по иному, сюжетному принципу. Здесь были разделы: «Старшие богатыри», «Время Владимирово», «Новгородские удалыцы», в которых материал был сгруппирован редактором П. А. Бессоновым. Деятельность Бессонова по изданию «Песен» Рыбникова, как правило, оценивается фольклористами отрицательно: «П. А. Бессонов, нарушивший волю собирателя при издании его былин, на многие годы задержал развитие былинovedения»; «... многие материалы, собранные П. Н. Рыбниковым, не были опубликованы. Большую часть их Бессонов присвоил себе и издал в своем сборнике «Калики перехожие»».⁵

И все же отношения Рыбникова и Бессонова были более сложными, чем это кажется на первый взгляд. Сегодня нам трудно представить себе многие обстоятельства, в которых складывались их контакты. Что касается издания двух первых томов, то Рыбников не просто подчинился системе распределения текстов по разделам, предложенной редактором, но и был полностью с ней согласен. Она отвечала его представлениям о циклизации былин,⁶ причем в такой степени, что система была использована Рыбниковым для третьего тома былин, подготовленного и изданного собирателем самостоятельно в Петрозаводске в 1864 году. Кроме того, принятие на себя определенных обязательств по изданию «Песен» Рыбникова, московского студента, находившегося в ссылке и обвинявшегося в организации антиправительственного кружка и связях с раскольниками,⁷ наконец, финансовая поддержка со стороны П. А. Бессонова,⁸ — все это помогло молодому собирателю в очень трудный период жизни. К тому же издание «Песен», высоко оцененное специалистами и сразу же появившееся в библиотеках ведущих фольклористов у нас и за границей, долго не окупало расходов, с ним связанных, так как в широких массах раскупалось не так быстро, как хотелось бы составителям.⁹ Очевидно, редактора и автора сближали не столько практические расчеты, сколько общая задача приобщения русского читателя к сокровищам национального фольклора, увлечение некоторыми сторонами славянофильской программы, имевшей определенное влияние и на Рыбникова: «Сама идея национальной самобытности, столь чтимая славянофилами, была близка молодому Рыбникову».¹⁰

Не случайно по письмам Рыбникова к Бессонову мы можем составить сегодня довольно ясное представление о карельском периоде жизни собирателя, поскольку это были письма к человеку, на чье понимание и поддержку рассчитывал молодой Рыбников. Годы с 1859 по 1866, прожитые в Петрозаводске, были переломными в судьбе выдающегося собирателя. Это время интенсивнейшей фольклористической работы, благодаря которой отечественная наука получила крупнейшее собрание эпоса, но вместе с тем это и период, в который Рыбников исчерпал себя как фольклорист: «В годы наступившей реакции Рыбников фактически прекращает свои занятия народной

поэзией и окончательно прощается с вольнолюбивой молодостью, разделяя участь тех деятелей, которые после закрытия „Современника“, после разгрома революционно-демократического движения ушли от общественной борьбы и довольно успешно продвигались по службе. Изучением народной поэзии после олонекской ссылки Рыбников уже не занимался». ¹¹ С чем было связано молчание Рыбникова-фольклориста после олонекской ссылки? Ключ к этой загадке может быть найден в переписке Рыбникова первой половины 1860-х годов.

В настоящей работе предпринята попытка охарактеризовать ряд моментов петрозаводских лет жизни собирателя по письмам Рыбникова из Карелии — прежде всего к П. А. Бессонову, редактору двух первых томов «Песен», в связи с их изданием. Выдержки из писем Рыбникова к П. А. Бессонову, Д. А. Хомякову, К. С. Аксакову были опубликованы уже во втором томе собрания «Песен» в 1862 году как содержащие важные сведения о работе Рыбникова-сборителя. ¹² Значительная часть писем остается рассеянной по разным архивам; так, например, большая коллекция писем Рыбникова к Бессонову находится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея Москвы, в архиве П. А. Бессонова. ¹³ Материалы этой коллекции дают возможность нового прочтения некоторых «темных мест» в истории издания рыбниковского собрания эпической поэзии, более глубокого изучения взглядов Рыбникова на былины, методов его работы со сказителями. В этом же архиве хранятся рукописные тексты былин, присланные Рыбниковым Бессонову в основном для второго тома «Песен». ¹⁴ В целом материалы ГИМа дополняют обнаруженные П. Д. Уховым рукописные тексты былин, подготовленные Рыбниковым для публикации в 1 и 2-м томе «Песен». ¹⁵

Известно, что Рыбников был выслан в Петрозаводск в 1859 году за то, что, по словам А. И. Герцена, ходил по деревням Черниговской губернии в русском, а не в немецком платье. ¹⁶ Народник по убеждениям, близкий к кругам московских славянофилов, кандидат Московского университета, энергичный молодой человек, Рыбников служил в Петрозаводске по министерству внутренних дел. ¹⁷ Олонекские губернские будни, жизнь провинциального чиновничества тяготили Рыбникова: «...провинциальная жизнь, со всеми ее мелочами, гадостями и сплетнями, дает себя знать. — Мысли нет у этих людей об общем благе: если они делают что-нибудь хорошее, так невзначай, из желания себя показать или под гнетом формы. Впрочем, их строго винить нельзя, каждого порознь. Хорош же был и уровень общественного смысла, при котором они выросли», — пишет П. Н. Рыбников Д. А. Хомякову в письме от 3 ноября 1861 года. ¹⁸ «До нас дошли очень скудные сведения о политических и философских взглядах Рыбникова» ¹⁹ — тем важнее те революционно-демократические социальные акценты, которые обычно очень четко расставлены в письмах Рыбникова из Петрозаводска.

Характерно, что корень зла в жизни провинциального чиновничества Рыбников видит вовсе не в отдельных личностях, а в «уровне общественного смысла» того времени. Он вполне осознавал, что даже

ему, лицу официально и наделенному определенными полномочиями, невозможно добраться «до существенного выполнения закона», поскольку вообще «сомнительно, осуществимо ли оно» (т. е. выполнение. — Т. Н.).²⁰

Все это лишний раз подтверждает справедливость мнения В. Г. Базанова, что мы не можем говорить «об идейной капитуляции политического ссыльного <...>». Работая в канцелярии олонекского гражданского губернатора, пунктуально выполняя обязанности секретаря губернского статистического комитета, П. Н. Рыбников не только не изменил прежним социалистическим понятиям, но еще более укрепил их под влиянием идей Чернышевского и Добролюбова.²¹

Прожив в Петрозаводске почти четыре года, Рыбников стал еще строже оценивать деятельность московского студенчества в кружке «вертепников», не принимая поверхностного, легковесного отношения к вопросам преобразования общества; так, в октябре 1863 года Рыбников писал Бессонову: «Был бы в Петрозаводске хоть один человек одной со мной поры развития. Много я видал студентов «новых людей», а в результате осталось самое неблагоприятное впечатление. Все это торопилось на первом еще курсе запасть новейшими результатами, хвостиками самых новомодных теорий, самыми яркими тенденциями, и при этих результатах осталось до конца своего университетского образования... Всякое поколение образует людей, страстно ищущих истины и успевающих выработать себе нравственную крепость и силу характера. Но таковые люди последние времена не попадали в Олонецкую губернию, кроме одного».²²

Увлечению «хвостиками новомодных теорий» Рыбников предпочитал деятельность на пользу народа, практическую работу с крестьянами. Не жалость и сострадание руководили Рыбниковым в его неутомимых поисках все новых встреч со сказителями и певцами, а стремление показать истинное лицо народа, вызвать уважение к древней национальной культуре, носителем которой он являлся. Привыкший доводить дело до конца, Рыбников с возмущением писал о «любителях» народной поэзии, относившихся к записям фольклора как к приятному развлечению: «...здесь любителей бывало много, и начальников горных заводов, и губернаторов, все они собирали, а что явилось в свет? одна старина в „Губернских ведомостях“». Нужна была вся тяжелая моя школа, горячая любовь к народу и ответное расположение с его стороны, чтобы в короткий срок, узнавая чутьем местность и людей, собрать такие редкости» (из письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову от 11 апреля 1861 г.).²³

Фольклорист по призванию, Рыбников использовал по возможности все служебные поездки для собирания фольклора, для знакомства с крестьянской жизнью: «Впрочем, есть полезная сторона в ревизии губернатора, — писал Рыбников Бессонову 25 июня 1861 года, — это <...> рассмотрение и удовлетворение просьб. Просьбы эти подавались в несчетном количестве и в каждом уезде предметом своим указывали на главные злоупотребления. Ведомство трех просьб было поручено мне, и я сто раз был вознагражден за свой труд, слушая, как крестьяне доверчиво рассказывали мне свои

нужды и обиды. Если не всегда было возможно удовлетворить просителей сейчас же, или вполне, по крайней мере удавалось успокоить их или указать иной путь, или же уговорить оставить дело и согласиться на мировую сделку».²⁴

Из писем Рыбникова к И. И. Срезневскому мы знаем, что Рыбникову «было позволено только один раз проехать Олонецкую губернию» (имеется в виду поездка 1860 года): «В два месяца, в захоlustях, в „задвенных“ уголках я успел отыскать или положить начало отыскиванию всего того, что издал в течение двух лет».²⁵ Поездка с ревизией губернатора в 1861 году протекала в более сложных условиях и не удовлетворила Рыбникова как собирателя: «Ах, какая тоска сидеть за формальным занятием в губернском городе! — жаловался Рыбников Бессонову уже после поездки с ревизией губернатора. — Я не писал Вам, что уже скоро год, как служу советником в губернском правлении, а потому выезды мои стали еще реже прежнего < . . . > Прошу у губернатора особых работ и рад-радехонек, если он берет меня с собою на ревизию губернии. Один я выезжать не могу по-прежнему. Разумеется, такие поездки только развлекают, потому что нет времени узнавать и собирать данные. А я ценю только те материалы, которые собраны по известному плану или даже чутью, то есть собраны лично».²⁶ Из этого письма ясно, что Рыбников в общении со сказителями вполне осознанно пользовался определенной методикой собирания, которая, по его мнению, была наиболее продуктивна. Очевидно, он имеет в виду прежде всего практику повторных записей, о которой он писал в своей «Заметке»²⁷ и в письме к О. Ф. Миллеру.²⁸

Положение политического ссыльного не давало возможности Рыбникову свободно путешествовать по Олонецкому краю, поэтому многие былины были записаны сельскими писарями, например от знаменитых пудожских сказителей. Так, Рыбников в 1863 году просит пудожского исправника «передать от него деньги сельским писарям» и поручить им записать былины от четырех знаменитых пудожских сказителей: колодозерского старика, сумозерского Андрея Сорокина, поромского и уношского стариков. «Разумеется, — добавляет в письме к Бессонову Рыбников, — я передал и инструкции, что и как записывать. А выйдет льзя, так новый губернатор позволит поехать по губернии. Куда бы это хорошо».²⁹ Некоторым своим корреспондентам Рыбников вполне доверял, таким как Лысанов, записавший для сборника ряд текстов; Рыбников сообщал о нем Бессонову: «Имею совершенную уверенность получить хорошо записанные былины от колодозерского старика и еще несколько былин о Вольге, Микуле и Сухмантии через Лысанова».³⁰ В архиве Бессонова в ГИМе хранятся записи былин, выполненные Лысановым.³¹

В то же время Рыбников был серьезно обеспокоен тем, чтобы дело, которое он начал, нашло своих продолжателей. Энергичный по характеру, он не ограничивался благопожеланиями, а ставил вопрос на практическую основу. В письме от 21 ноября 1861 года Рыбников пишет Бессонову: «Многие гимназисты, уезжая на праздники к себе, будут записывать былины и стихи. Олонецкая губерния в этом от-

ношении богаче всех других. Не найдете ли Вы возможности *отказаться что-нибудь* (здесь и далее выделено П. Н. Рыбниковым. — Т. Н.) тем сотрудникам по части стихов по напечатании материалов и *после продажи всего издания*.³²

Замечательно, что сразу по выходе в свет первых томов «Песен» ими заинтересовался Гильфердинг, решивший продолжить работу Рыбникова. Об этом написал Бессонову Дмитрий Алексеевич Хомяков в письме от 12 июля 1862 года: «. . . Гильфердинг также взялся было за дело Рыбникова, но не знаю, чем окончится его труд».³³

Встреча с северными сказителями имела большое значение не только для собирателя, но и для певцов, — многие из них впервые встретили подлинно уважительное отношение к старинам. Так, поворотным моментом была встреча с Рыбниковым для Т. Г. Рябинина: этот сказитель, «не встречавший уважения (не к себе: он слишком нравственная и серьезная личность) к своим любимым былинам, после разговоров со мною ободрился и сам стал ценить поэтические обломки, сохранившиеся в его памяти: для меня он нарушил Петровский пост, в который ел только хлеб и корни, чтобы рассказывать „мирские вещи“».³⁴

В то же время В. Г. Базанов справедливо опровергает мнение о Рыбникове как о практике-собирателе, далеком от теоретических обобщений, каким считал его Бессонов.³⁵ Рыбников явно недооценивал себя, полагая, что для написания вступительной статьи об эпосе ему не хватает сугубо академических знаний. В письме к Д. А. Хомякову осенью 1860 года Рыбников сообщал: «Здесь я лишен всех пособий: у меня нет ни Гримма, ни Лахманна, ни К. Данилова; новых сочинений по этой части я не знаю. Между тем в статье своей мне следовало бы показать: сущность народной эпической поэзии, постепенный переход из коротких эпических стихов, с одной стороны, в былины и образование поэм при участии личности поэта, с другой стороны, переход былины в побывальщину, сказку и историческую песню. Общеарийское значение мифов, сохранившихся в наших былинах».³⁶ В этих словах Рыбникова содержится чрезвычайно широкая программа исследования эпоса, впоследствии осуществленная разысканиями А. Н. Веселовского (генезис эпической поэзии, формирование эпических кантилен), А. Ф. Гильфердинга (проблема сказительства как явления устной культуры народа).

В письмах Рыбникова к Бессонову мы находим немало доказательств тому, насколько теоретически актуальными для второй половины XIX века могли бы быть эпосоведческие работы Рыбникова. Так, Рыбников вплотную подошел к проблеме реконструкции первоначального текста былины — в этом он опередил разыскания ученых исторической школы, исходившей из существования в прошлом какого-то определенного, верного исторической правде, извода, который мог быть положен в основу эпической песни.³⁷ Причем к выводу о возможности реконструировать исходный «текст» былины Рыбников подошел в результате наблюдений над особенностями бытования эпоса в сказительской среде, убедившись в стабильности, малой изменчивости эпических текстов при передаче от одного певца к дру-

гому. Вот что он пишет в письме к П. А. Бессонову от 14 февраля 1864 года:

[P.S.]. «.сейчас (15 февраля в 9 часов вечера) был у меня Терентий Иевлев, внук Ильи Елустафьева. Я поверял прежнюю записку и то, что записал вновь, а главное, пришел к несокрушимому убеждению, что былины в течение десятилетий и веков передавались чрезвычайно верно, с ничтожными изменениями. Более пятидесяти лет тому назад Елустафьев пел своему сыну и внукам былин о добром молодце и жене неудачливой и более семидесяти лет назад Козьме Романову (I, № 18). Заметьте, что я положительно разузнал, что К. Романов, Рябинин и Иевлев никогда не слушали один другого. И что же, Иевлев запел мне эту самую былинку в тех же самых словах, как и К. Романов. Вот, например, все изменения: 19 ст. Хмелина кабацкая приодолела; вм. 138 — На своем на старом на поселыще <врзб. 2>. . .

Такие изменения и добавки делал и сам Козьма Романов, и всякой певец, каждый раз, когда повторял былинку. Итак, основываясь на сличении трех вариантов, образовавшихся от одного текста XVIII столетия, можно утвердительно сказать, что былины чрезвычайно верно сохранились до нашего времени. О изменениях я говорю подробно в заметке. Сравните в этом же отношении песни колодозерского старика 1<-го> тома и песни колодозерские в части 3<-го> тома. И приписка — сбоку, поперек текста: «Что вы скажете о попытке восстановить на основании существующих вариантов первоначальный текст былины, положив, разумеется, в основание лучший вариант и пополняя его другими» (разрядка моя. — Т. Н.).³⁸

Несмотря на то, что Рыбников в целом был согласен с интерпретацией былинных сюжетов в ключе мифологической школы, о чем свидетельствуют «Заметка»³⁹ и собственно распределение сюжетов в корпусах томов, гораздо ближе была бы ему трактовка эпического наследия с позиции школы исторической, которой как направления в эпосоведении еще не было в шестидесятых годах XIX века. Те общие положения, которые сложились позднее в русле исторической школы в результате скрупулезного анализа текстов былины и их сопоставления с данными летописей, родились у Рыбникова в практике тесного общения со сказителями и непосредственного наблюдения над жизнью эпической традиции в крестьянской среде. Рыбников не только допускал возможность существования исходного древнейшего текста, он был уверен также, что этот древнейший текст искажался в крестьянской среде и в «давнее время» был сложен индивидуальными певцами, наделенными «особенным поэтическим даром». В. Ф. Миллер под такими певцами подразумевал, в частности, скomoroxов.

Непосредственно перед выходом в свет третьего тома «Песен», т. е., очевидно, осенью 1863 года, Рыбников пишет Бессонову (письмо не датировано):

«Жду, разумеется, от Вас статьи в „Дне“ или в каком-либо журнале, а потому так и тороплюсь переслать Вам сборник в листах: он у Вас будет по крайней мере за месяц до выхода в свет.

Много хороших вещей в 3-й части; она, пожалуй, не уступит первой (Самсон, Иван Гостинный сын, Михайло Данилович, Нашествие татар, Нерассказанный сон, Каково птицам жить на Руси); но лучше всего, по моему мнению, былины поромского старика. По ним можно судить, что мы потеряли в древних вариантах. На меня, уже старого сказителя, по словам крестьян, который столько слышал былин на своем веку, эти пересказы произвели чрезвычайно сильное впечатление. И я нескладно жалел, что получил их, когда заметка была совсем написана. Я долго колебался, чему приписать особенную художественность их; может быть, в давнее время певец с особенным поэтическим даром так выработал их, и они (поскольку принадлежали личному творчеству) чудом уцелели до нас». ⁴⁰ Разложение былинной традиции Рыбников отмечает также в письме от 21 июля 1862 года, соотнося его с изменением поэтического строя былин: «Падение былин сказывается, по моему мнению, и употреблением рифмованных окончаний». ⁴¹

Распространение и распределение по различным регионам Олонецкой губернии тех или иных сюжетов Рыбников ставил в зависимость от истории заселения края — проблема, серьезно интересовавшая «историков» и актуальная по сей день. В «Заметке» Рыбников уделял внимание этому вопросу. ⁴² В письме к Бессонову (без даты) он объясняет непопулярность новгородских былин в Каргополье именно особенностями заселения края: «Замечу здесь, кстати, что Олонецкая губерния заселена из двух древних областей: Новгородской и Белозерской. Новгородцы надвигались к нам по Свири, через Ладожское озеро, самые крайние их колонии в *Кижской* и *Толуйской* волостях Петрозаводского уезда, а также в Шунгской и Чолмужской Повенецкого. Уже из Заонежья колонисты через озеро перешли в Пудожский уезд, где древних заселений погостов очень мало: я знаю Шальский погост, Пудожский, Водлозерский. Уже под 6734 г. поминается Олонесь, Корельский Алицъ или «нрзб. 1» Каргопольский уезд заселен частью с Белоозера через Мошу, по Онеге реке и озеру Лачу. Часть каргополов перешла в Пудожский уезд. Оттого в Каргополье я не слышал хороших новгородских былин: о Садке и Буслаеве». ⁴³

Письма к Бессонову проясняют также и малопонятную на первый взгляд «мозаику» в издании всех четырех томов «Песен», вышедших в разных городах (Москве, Петрозаводске и Петербурге), в разное время и редактировавшихся разными людьми (два первых тома — Бессоновым, третий — самим Рыбниковым и четвертый — О. Ф. Миллером). Некоторая бессистемность в издании текстов песен, за которую часто упрекали впоследствии Рыбникова исследователи, объясняется трудностями работы по записи фольклора в Олонецкой губернии (о чем уже говорилось выше), а также желанием собирателя издать уникальный устнопоэтический материал как можно скорее — по мере его собирания и поступления. Тексты Рыбников высылал

в Москву частями, как только ему удавалось получить их. «Десять былин переписываются и будут к Вам пересланы с будущей почтой, былин 15 пришлю несколько позже, — пишет Рыбников Бессонову 25 июня 1861 года. — Дожидаюсь былин тридцать или даже более от волостных и сельских писарей, которым поручил за денежное вознаграждение записать от известных мне сказителей.

А все бы лучше записывал все сам. Да решительно не было возможности. Едешь целый день с утра до вечера, торопишься как будто кто сзади подгоняет дубиною, приедешь в город, сейчас за ревизию присутственных мест».⁴⁴ Речь здесь идет о летней поездке Рыбникова по губернии с ревизией губернатора в 1861 году и собиранию материала для второй части «Песен». В ней многие тексты действительно опубликованы по рукописям сельских писарей, сравнительно скупо отредактированных Бессоновым и самим Рыбниковым. В частности, тексты, записанные в сплошном рассказе, были разбиты на стихи редактором или собирателем. По рукописям сельских писарей эти тексты и были подготовлены к печати (сегодня они хранятся в Отделе письменных источников ГИМа).⁴⁵

Много «темных мест» в издании третьего тома «Песен». Причины, побудившие Рыбникова взяться за его редактирование самому и издать в Петрозаводске, проясняются из письма Рыбникова к Бессонову, которое можно датировать зимой 1863 года, так как речь в нем идет о событиях именно этого периода. Вот что пишет Рыбников: «Если б мы свиделись хоть на минуту, дорогой Петр Алексеевич, то в полчаса переговорили бы обо всем, что не напишешь и в трех письмах. Я понял Ваше письмо от 29 ноября как отказ от дальнейшего издания сборника. Описывая затруднения и требования с разных сторон, Вы объясняли, что такое положение совершенно чуждо Вашему характеру и губительно для спокойствия занятий. Для продолжения издания Вы приводили несколько возможностей (далее о финансовых затруднениях издания сборника в Москве. — *Т. Н.*) <...> но я в Москве знаком только с Вами да Вашими друзьями, несколько моих приятелей петербургских — люди без средств.

Оставалось искать другой путь делу. До ноября месяца обстоятельства мои были так плохи во всех отношениях, что единственным утешением оставалась семейная жизнь да труд над сборником. Издание 3-го тома стало любимой мечтою, потому что до сего времени я не предполагал даже, что откроется возможность собрать что-нибудь в Олонецкой губернии. Я приготовился к мысли, что 3-м томом заключу собрание памятников народной поэзии в Олонецкой губернии <...> Потому я написал Вам, что отказ от издания разрушил мою любимую мечту. — Я готов был печатать накопленное собрание в Губернских ведомостях, в Памятной книжке, лишь бы не лежало в тетрадах». И далее — об обстоятельствах, благодаря которым издание третьего тома превратилось из «любимой мечты» в реальность: «17 декабря я обратился к Статистическому комитету, которым я секретарем без жалования до сего времени, потому что в Комитете денег нет. Представьте же, что 16 декабря получено было уведомление, что на Комитет в 1863 г. отпускается 1600 р <уб>л., в том числе

и на издание ученых сочинений. . . С января месяца, помимо содержания по должности чиновника особых поручений, я получаю 62 р. 50 к. в месяц из Комитета. На мою просьбу о издании члены заявили полное согласие». Третий том Рыбников предполагал выпустить к осени и просил Бессонова переслать находившиеся у него материалы к третьему тому казенной посылкой в канцелярию Олонецкого губернского статистического комитета. За то, что Бессонов «привел в порядок» материалы третьего тома, Рыбников просил Бессонова принять «что будет следовать» от той доли, которая будет определена ему (Рыбникову. — *Т. Н.*) Комитетом. Таким образом, очевидно, редактирование и организация материала в третьем томе принадлежали также Бессонову. В этом же письме, под звездочкой, Рыбников сообщает о возможности появления четвертого тома: «К счастью, обстоятельства изменились и, быть может, явится 4-й добавочный том, потому что мне открыты вновь способы собирания лично материалов».⁴⁶

Работая с редактором над вторым томом, Рыбников думал окончить собрание третьим томом, но уже и тогда у него появлялась мысль о пополнении собрания: «Думал я окончить издание 3-м томом; но отличные материалы собираются вновь и имеются в виду; все это отложу до нового издания сборника, если только не представится случая набрать на целую часть и не найдется издателя».⁴⁷

Мало этого. Рыбников рассчитывал издать «том нот» с десятью или двенадцатью былинами и спрашивал в письме к Бессонову, во что может обойтись такое издание.⁴⁸ Работу по переложению первых пяти или шести стихов былины на ноты Рыбников поручил некоему Гостинчикову, который, очевидно, не сразу понял задачу: «Я просил его только положить на скрипичные ноты мотивы былины, а он стал перекладывать с вариациями на четыре голоса». Гостинчиков утверждал также, «что нужно перевести на ноты всю былину, потому что де сказитель в пении постоянно импровизирует». Понимая, что издание такого огромного приложения нот невозможно, Рыбников спрашивает Бессонова: «. . . не признаете ли Вы возможным издать отдельно мотивы целых былин. Образцы были бы выбраны от Романова, Рябинина, колодозерского старика и проч. Для этого я взял бы Гостинчикова с собою в поездку». В постскриптуме письма Рыбников предупреждал Бессонова, что отправит «посылку с нотами Гостинчикова» по следующей почте. Была ли такая посылка и дошла ли она — мы не знаем. В Отделе письменных источников ГИМа сохранилось несколько нотных строк к былинам о Садко и Хотене (их оригинал находится в ГБЛ).⁴⁹

Таким образом, растянутость в издании «Песен», рассредоточение материала по частям, вышедшим под разной редакцией в разных городах: поездки Рыбникова по Олонецкому краю были строго ограничены властями, не разрешавшими политическому ссыльному свободно путешествовать по губернии; во-вторых, с денежными затруднениями, случайностями финансового обеспечения сборника;

в-третьих, с зависимостью Рыбникова от поступления к нему текстов от сельских и волостных писарей.

Письма Рыбникова к Бессонову — наглядное свидетельство бережного отношения собирателя к народному слову, которое он стремился донести до читателя с максимальной полнотой, во всем его поэтическом звучании, в широком историко-этнографическом контексте. Закономерно, что стремление войти в народную культуру, познать ее, привело Рыбникова к серьезному переосмыслению своей позиции по отношению к народу. Если в начале своей деятельности на этом поприще Рыбников был движим чувством долга перед народом, желанием понять, уяснить себе его реальное положение в России, то в период олонечной ссылки общение с северными сказителями пробудило в душе Рыбникова чувство гордости за принадлежность к общему с ними «роду-племени». Это было чувство человека, лицом к лицу столкнувшегося с героиней прошлых веков, запечатленной в слове богатырского эпоса, сбереженного северными крестьянами.

Рыбников писал: «Грешный человек, люблю я мерное певучее и веское новгородское слово. Из одной истории и своего происхождения не полюбил бы я так сильно эту отрасль великорусов. Но я встретился с ним лицом к лицу в тяжкое для меня время, когда почва исчезала из-под ног. Чем больше узнавал я этих смелых, честных, высокомерных и энергических людей, тем ближе хотелось узнать их прошедшее: я стал гордиться, что принадлежу к их роду-племени, я узнал, что в моем развитии многое есть только расцвет тех потребностей и стремлений, которые заявлены этим племенем исторически. Я ступил на ту же дорогу, на которой славянофилы, но они идут к *Москве*, а я к *Новугороду*».⁵⁰

Последняя фраза до определенной степени является данью уважения славянофильским симпатиям Бессонова, но в то же время она проливает свет на таинственное молчание Рыбникова-фольклориста после выхода в свет четырехтомного собрания севернорусского фольклора. Уехав из Петрозаводска в Калиш, где он занял пост вице-губернатора и получил, казалось бы, неограниченные возможности для собирательской работы, Рыбников не мог уже свернуть с выбранного им пути к «Новугороду». Идеализация мировоззрения севернорусского крестьянства даже усилилась в его «калишский» период жизни.

В неопубликованной статье о Л. Н. Толстом, анализируя «Войну и мир» и «Анну Каренину», Рыбников стремился выяснить, «чем живут люди вообще и русские в особенности». Автор находит, что Л. Н. Толстой верно подметил такую черту русской интеллигенции конца XIX века, как «недоверие к себе» — рефлексия, развивающаяся на почве «отрыва от народа». Исторически отрыв интеллигенции и «образованной русской личности» от народа не исконен, он появился вместе с абсолютизмом, ростом могущества Московской государственности, когда «высшее сословие превратилось в служилых людей», вместе с крепостным правом и принижением «самостоятельной личности». Чувство свободы личности, отсутствие «приниженного подчинения» року и обстоятельствам сохранились, по мнению

Рыбникова, только на Русском Севере у новгородцев и их потомков — поморов.⁵¹ Так встреча со сказителями олонецкого края навсегда определила взгляды Рыбникова на русскую историю, русский характер.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1; М., 1862. Ч. 2; Петрозаводск, 1864. Ч. 3; СПб., 1867. Ч. 4.

² См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 4. С. XLIII—XLIV.

³ У х о в П. Д. Об издании «Песен» П. Н. Рыбникова П. А. Бессоновым и А. Е. Грузинским // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 153—167. К концу 1850-х—первой половине 1860-х гг. относится начало интенсивной издательской деятельности П. А. Бессонова, с 1857 г. занимавшего должность старшего советника Московской синодальной типографии и подготовившего в этот период, помимо «Песен» П. Н. Рыбникова, сборники болгарского и сербского фольклора, «Песни, собранные П. В. Киреевским» и ряд др. изданий.

⁴ ГБЛ, ф. 125 (П. В. Киреевского и П. А. Бессонова), оп. 76, п. 28, л. 8, 103, 157, 166 («Бывальщины»). На этих листах — перечень присланных Бессонову Рыбниковым текстов былин, вместе с тем эти «оглавления» являются схемой построения томов.

⁵ У х о в П. Д. Указ. соч. С. 160. См. также: Б а з а н о в В. Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947. С. 39, 50.

⁶ «...многие былины, смотря по тождеству изображаемого ими быта и мирозерпцания, сами собою сгруппировались в циклы: старших богатырей, Владимиров, Новгородский, Московский и Казацкий». — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1864. Ч. 3. С. XLIX.

⁷ См.: В и н о г р а д о в С. Н. Материалы для биографии П. Н. Рыбникова // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. № 2—3. С. 317.

⁸ ГИМ, ф. 56 (П. А. Бессонова), оп. 1, ед. хр. 519, л. 81 об., 83 (письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову от 25.06.1861 г. и 21.10.1861 г.).

⁹ См.: Там же. Л. 82 об., 97 об. (письма П. Н. Рыбникова к П. А. Бессонову от 21.10.1861 г. и недатированное, очевидно, написанное в декабре 1863 г.).

¹⁰ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 34.

¹¹ Р а з у м о в а А. П. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко, М.; Л., 1954. С. 73.

¹² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1862. Ч. 2. С. I—XLVIII.

¹³ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 78—107. Это 14 писем 1861—1864 гг. от Рыбникова к Бессонову, часть из них без указания даты, и одно письмо к Д. А. Хомякову (от 3.11.1861 г.). Все они отправлены из Петрозаводска в Москву, судя по нескольким сохранившимся конвертам, на Никольскую улицу в Синодальную типографию.

¹⁴ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 203, 260.

¹⁵ См.: У х о в П. Д. Указ. соч. С. 155.

¹⁶ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 30.

¹⁷ В и н о г р а д о в С. Н. Указ. соч. С. 320.

¹⁸ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 107.

¹⁹ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 34.

²⁰ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 80.

²¹ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 36.

²² ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 84—84 об.

²³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. С. X.

²⁴ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 80 об.

²⁵ К о л е с н и ц к а я И. М. Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 286.

²⁶ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 91 об. Письмо не датировано.

²⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. С. XXIV.

²⁸ Там же. Ч. 4. С. I—II.

²⁹ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 106 об. Письмо не датировано, но может быть отнесено к 1863 г., так как в нем Рыбников сообщает: «дописываю статью, как собирал былины» (для 3-го тома «Песен»).

³⁰ Там же. Л. 102. Письмо не датировано.

³¹ Там же. Ед. хр. 203.

³² Там же. Ед. хр. 519, л. 82 об.

³³ Там же. Ед. хр. 532, л. 19.

³⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. С. X.

³⁵ Б а з а н о в В. Г. Указ. соч. С. 39.

³⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 2. С. III—IV.

³⁷ Ср. В. Ф. Миллер: «Для уяснения истории былины я старался из сопоставления вариантов вывести наиболее архаичный ее извод и, исследуя историко-бытовые данные этого извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения». (М и л л е р В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. Т. 1. С. V).

³⁸ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 89 об.—90 об.

³⁹ См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. С. XI, VIII.

⁴⁰ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 87—87 об.

⁴¹ Там же. Л. 106.

⁴² См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 3. С. XII—VIII—III.

⁴³ ГИМ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 519, л. 94 об.—95.

⁴⁴ Там же. Л. 80.

⁴⁵ См.: Там же. Ед. хр. 203.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 519, л. 96—97 об.

⁴⁷ Там же. Л. 91.

⁴⁸ Там же. Л. 98—99. Письмо датировано 24 июля (без года).

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 321 (папка 30 в).

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 519, л. 101.

⁵¹ См.: Г р у з и н с к и й А. Е. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909. Т. 1. С. LVII—LVIII.